

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И ПЛАНИРУЕМОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН. ЧАСТЬ II. МУЛЬТИГРУППОВОЙ АНАЛИЗ¹

© 2023 г. Н. В. Муращенко^{1,*}, В. В. Гриценко^{2,**}, М. Н. Ефременкова^{2,***}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований.
E-mail: ncel@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: mnetema@yandex.ru

Поступила 02.12.2022

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа взаимосвязей компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи 18–25 лет из Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19,8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20,5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20,0). В первой части статьи в предыдущем номере журнала опубликованы результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение”, а также кросскультурного анализа выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения и ценностей, диагностированных с помощью сокращенной версии “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVQ-21 — ESS”), у студентов трех стран. В данной части статьи обсуждаются результаты мультигруппового путевого анализа взаимосвязи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России. Выявлены общие и культурно-специфические связи. Общекультурным трендом является невключенность ценностей Самопреодоления в процесс формирования планируемого эмиграционного поведения студенческой молодежи. У россиян ценности Самоутверждения положительно связаны с позитивными установками в отношении эмиграции, а ценности Открытости изменениям — с воспринимаемым контролем. У казахстанцев компоненты планируемого эмиграционного поведения положительно связаны с ценностями Самоутверждения (установки и воспринимаемые нормы) и низкой значимостью ценностей Сохранения (установки, воспринимаемый контроль, воспринимаемые нормы). У белорусов нивелирование значимости ценностей Сохранения позитивно связано с установками и воспринимаемыми нормами в отношении эмиграции.

Ключевые слова: теория планируемого поведения, модель планируемого эмиграционного поведения, эмиграционное намерение, индивидуальные ценности, студенческая молодежь, мультигрупповой анализ.

DOI: 10.31857/S020595920027084-8

ВВЕДЕНИЕ

В статье представлена вторая часть результатов научного исследования, целью которого стал сравнительный анализ связей компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 “Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросскультурный анализ”

контекстах. Первая часть результатов исследования опубликована в предыдущем номере журнала [4]: представлено обоснование актуальности и выборки исследования, проведен подробный теоретический обзор проблемы исследования, представлены результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение” и кросскультурного анализа выраженности ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов из Беларуси, Казахстана и России. В данной части статьи обсуждаются общие и культурно-специфические связи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов из этих стран.

Ценности как фундаментальные психологические конструкты могут выступать основой, *психологической ресурсной базой для реализации эмиграционного поведения* [3]. Раскрытие *эмиграционного ресурсного потенциала ценностей* предполагает анализ их связи с теми факторами, которые оказывают наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений. Мы опираемся на теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [6; 12] и теорию планируемого поведения А. Айзена [8; 9]. Согласно теории планируемого поведения, факторами, оказывающими наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений, являются установки в отношении эмиграции, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль [8; 9]. Кросскультурный анализ связи данных факторов с индивидуальными ценностями молодежи из Беларуси, Казахстана и России будет способствовать более глубокому пониманию процесса формирования эмиграционной активности молодых граждан этих государств, а также позволит определить, какие из факторов эмиграционного намерения в большей степени подвержены влиянию индивидуальных ценностей у молодых россиян в сравнении с белорусами и казахстанцами.

В рамках данного исследования мы проверяем три гипотезы. Их теоретическое обоснование представлено в предыдущем номере журнала в первой части статьи [4]. Мы предполагаем, что:

1) аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции будут иметь положительные значимые связи с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, будет положительно связано с поведением по его реализации у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России;

2) метаценности (Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи будут иметь значимые связи

с такими факторами планируемого эмиграционного поведения, как аттитюды, воспринимаемый контроль и воспринимаемые нормы;

3) в различных социокультурных контекстах (у молодежи из Беларуси, Казахстана и России) связи между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения будут иметь свои особенности.

В связи с отсутствием предваряющих научных исследований по соответствующей проблематике мы не формулируем частные гипотезы относительно *особенностей* связей между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения у разных культурных групп. Выводы об этих особенностях будут сделаны на основе эмпирических данных.

Проверка выдвинутых гипотез связана с решением эмпирических задач, предполагающих:

1) тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи;

2) анализ общих и культурно-специфических особенностей связей индивидуальных ценностей и факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России.

МЕТОДИКА

Выборка исследования. Участниками исследования стали 658 русскоговорящих студентов университетов — граждан Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19.8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20.5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20.0) от 18 до 25 лет. Среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы (по национальности), среди казахстанских — 54% отнесли себя к казахам, среди российских — 87% отнесли себя к русским. В онлайн-опросе приняли участие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из белорусских университетов Витебска, Гродно и Минска, из казахстанских университетов Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска и из российских университетов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска.

Процедура сбора данных. Анонимный онлайн-опрос проходил с января по апрель 2021 г. Для размещения онлайн-анкеты мы использовали платформу anketolog.ru. Рекрутировали респондентов

и распространяли ссылку на онлайн-анкету преподаватели, сотрудники и студенты университетов трех стран. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Подробное описание используемых в исследовании опросников с показателями надежности шкал представлено в опубликованной в предыдущем номере журнала первой части статьи [4]. Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории А. Айзена [7–10], был разработан авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение” [4]. Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVC-21 — ESS”), разработанного для Европейского социального исследования [13]. Осуществлялось также измерение семи контрольных переменных. Респонденты указывали свой пол (1 — мужской, 2 — женский), возраст, количество иностранных языков, которыми они владеют, частоту выездов за границу, количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью. Материальное положение кодировалось от 1 (“на данный момент я испытываю значительные финансовые трудности”) до 4 (“мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать”). В качестве контрольной переменной, связанной с пандемией COVID-19 как значимым контекстным фактором сбора эмпирических данных, оценивалась объективная дистанция с данным заболеванием. Использовался вопрос: “Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые коронавирусом?” с четырьмя вариантами ответа: 1 — “да, я сам болел/болею COVID-19”; 2 — “да, переболели/болеют мои родные”; 3 — “да, переболели/болеют мои знакомые”; 4 — “нет, не болел и не болею ни я, ни мои родные, ни знакомые”. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа в зависимости от своего положения. Дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием.

Методы обработки данных. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялся множественный регрессионный анализ и мультигрупповой путевой анализ. Зависимыми переменными в мультигрупповой модели путей стали компоненты планируемого эмиграционного поведения (средние значения

по соответствующим шкалам). Предикторами выступили ценности высшего порядка (средние значения по шкалам). Мультигрупповой путевой анализ проводился при контроле переменных (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей, объективная дистанция с COVID-19).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 представлены социокультурные различия в связях социально-демографических параметров студентов из Беларуси, Казахстана и России (контрольные переменные исследования) с их ценностями и компонентами планируемого эмиграционного поведения (основные переменные).

Наибольшее число из рассматриваемых предикторов связано с эмиграционными намерениями у казахстанской молодежи: ориентация на эмиграцию выражена у владеющих иностранными языками более молодых студентов с низким материальным достатком (см. табл. 1). Для белорусских студентов важную роль при формировании эмиграционного намерения играет опыт международной мобильности, а для россиян — низкая материальная обеспеченность и наличие социальных связей за границей. Предикторы поведения по реализации эмиграционных намерений для российских студентов идентичны предикторам самих эмиграционных намерений, описанным выше. У казахстанских студентов переход к активным действиям по подготовке к переезду связан с более молодым возрастом и владением иностранными языками. Белорусские студенты, демонстрирующие поведение по реализации эмиграционного намерения, владеют большим числом иностранных языков и имеют большую дистанцию с COVID-19. Эти же предикторы обуславливают у белорусских студентов воспринимаемые нормы в отношении эмиграции, в то время как для казахстанцев в данном случае значимыми факторами являются более молодой возраст и владение иностранными языками, а для россиян, напротив, — более старший возраст в сочетании с наличием социальных связей за границей. Для всех трех групп респондентов уверенность в осуществлении эмиграции в случае необходимости (воспринимаемый контроль) положительно связана с опытом международной мобильности, однако у казахстанских студентов этот предиктор дополняется наличием родственников, друзей и знакомых за границей. Позитивные установки в отношении эмиграции в большей степени выражены у наиболее молодых белорусских

Таблица 1. Статистически значимые стандартизированные регрессионные коэффициенты связи основных и контрольных переменных у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России

Зависимые переменные	Предикторы						
	Пол	Возраст	Материальное положение	Владение иностранными языками	Опыт международной мобильности	Связи за границей	Дистанция с COVID-19
Эмиграционное намерение $R^2 = 0.04/0.11/0.05$		-/-0.27***/-	-/-0.18*/-0.14*	-/0.23**/-	0.15*/-/-	-/-/0.18**	
Поведение по реализации эмиграционного намерения $R^2 = 0.03/0.05/0.08$		-/-0.22**/-	-/-/-0.13*	0.14*/0.21**/-		-/-/0.24***	0.16*/-/-
Воспринимаемые нормы $R^2 = 0.09/0.08/0.09$		-/-0.15*/0.16*		0.28***/0.22**/-		-/-/0.23**	0.13*/-/-
Воспринимаемый контроль $R^2 = 0.05/0.07/0.04$					0.16*/0.16*/0.19*	-/0.19**/-	
Аттитюды в отношении эмиграции $R^2 = 0.05/0.02/0.02$	0.17*/-/-	-0.15*/-/0.15*	-/-0.16*/-			-0.15*/-/-	
Ценности Сохранения $R^2 = 0.01/0.01/0.02$							
Ценности Самоутверждения $R^2 = 0.02/0.01/0.00$		-0.16*/-/-					
Ценности Открытости изменениям $R^2 = 0.04/0.05/0.01$	0.23**/-/-	-/-0.22**/-		-/0.22**/-			-/-/-0.14*
Ценности Самопреодоления $R^2 = 0.02/0.00/0.02$						-0.15*/-/-	

Примечание. R^2 — скорректированное значение коэффициента детерминации; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; через слэш последовательно представлены коэффициенты для белорусской, казахстанской и российской выборок.

студенток, не имеющих социальных связей за границей. Среди российской студенческой молодежи, напротив, наиболее позитивно относятся к переезду более старшие респонденты. В казахстанской выборке респонденты, положительно оценивающие эмиграцию, имеют более низкий уровень материального благосостояния. Относительно связей индивидуальных ценностей с контрольными переменными получены следующие результаты: в белорусской выборке ценности Самоутверждения наиболее значимы для более молодых респондентов, ценности Открытости изменениям в большей степени значимы для женщин, а ценности Самопреодоления — для тех, кто не имеет социальных связей за границей; в казахстанской выборке ценности Открытости изменениям наиболее значимы для более молодых студентов, владеющих иностранными языками; а в российской выборке выраженные ценности Открытости изменениям демонстрируют

респонденты, имеющие опыт встречи с COVID-19. Описанные взаимосвязи подтверждают обоснованность контроля таких переменных, как пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей и объективная дистанция с COVID-19, при мультигрупповом путевом анализе.

На рис. 1 отражены связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России.

Мультигрупповая модель имеет хорошие индексы пригодности [11] (табл. 2). Конфигурационная и метрическая инвариантность присутствуют (ΔCFI не превышает 0.01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

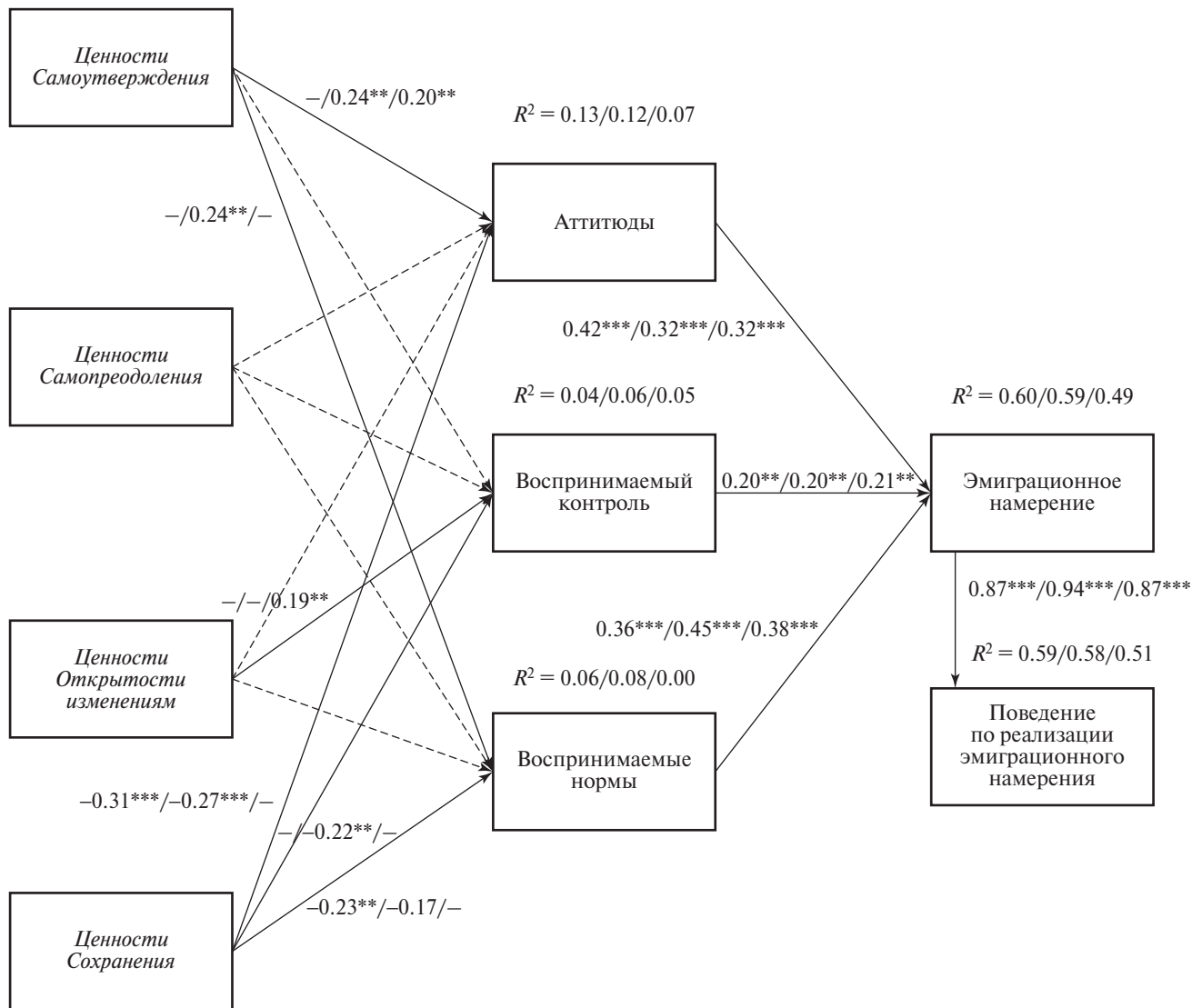

Рис. 1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи ценностей с компонентами планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России (для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением ошибок; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; сплошными линиями обозначены статистически значимые (как минимум, для одной группы респондентов) связи; пунктирные линии демонстрируют отсутствие статистически значимых связей у всех групп респондентов)

Таблица 2. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения и ценностей у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная	0.978		0.045	333.307	0.718	69.307	30	0.000
Метрическая	0.974	0.004*	0.034	308.210	0.996	108.210	62	0.000

Примечание. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; p — уровень значимости; * — $\Delta CFI < 0.01$.

Результаты мультигруппового анализа (стандартизированные регрессионные коэффициенты и коэффициенты детерминации) показывают, что аттитюды, воспринимаемый контроль и субъективные нормы являются значимыми предикторами эмиграционных намерений, а эмиграционное намерение соответственно — значимым предиктором

эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (см. рис. 1). При этом, согласно величинам стандартизированных регрессионных коэффициентов, наибольшее влияние на эмиграционные намерения трех групп студентов оказывают установки в отношении эмиграции и воспринимаемые нормы, нежели воспри-

нимаемый контроль. При этом рассматриваемые факторы вносят больший вклад в объяснение эмиграционных намерений белорусов и казахстанцев, нежели россиян.

Поведение по реализации эмиграционного намерения также в большей степени обусловлено эмиграционным намерением в белорусской и казахстанской выборках (в сравнении с российской).

В свою очередь, согласно полученным результатам, индивидуальные ценности выступают предикторами факторов эмиграционного намерения. Коэффициенты детерминации в данном случае свидетельствуют о том, что наибольшей объяснительной способностью во всех трех выборках индивидуальные ценности обладают *в отношении attitudes к эмиграции*, нежели воспринимаемых норм и воспринимаемого контроля. При этом у российской молодежи воспринимаемые нормы, а у белорусской молодежи — воспринимаемый контроль оказались не связаны ни с одной ценностью высшего порядка.

Предикторами позитивных установок в отношении эмиграции выступили низкая ориентация молодежи на ценности Сохранения (белорусская ($p < 0.001$) и казахстанская ($p < 0.001$) выборки), а также предпочтение ценностей Самоутверждения (казахстанская ($p < 0.01$) и российская ($p < 0.01$) выборки). Представления респондентов о том, что значимые другие одобрили бы эмиграционное поведение (воспринимаемые нормы), обусловлены нивелированием значимости ценностей Сохранения у двух групп респондентов (у белорусских ($p < 0.01$) и казахстанских ($p < 0.1$) студентов), а также предпочтением ценностей Самоутверждения у одной из исследуемых групп (у казахстанской молодежи ($p < 0.01$)). У российских студентов статистически значимых связей между воспринимаемыми нормами в отношении эмиграции и ценностями не обнаружено.

Предиктором уверенности в своей способности в случае необходимости осуществить эмиграцию (воспринимаемый контроль в отношении эмиграционного поведения) у российских студентов выступает приверженность ценностям Открытости изменениям ($p < 0.01$), а у казахстанских студентов — нивелирование значимости ценностей Сохранения ($p < 0.01$). На белорусской выборке в данном случае статистически значимых связей не обнаружено. Не обнаружено также статистически значимых связей между факторами эмиграционного намерения и ценностями Самопреодоления в трех выборках.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Теоретическая модель планируемого эмиграционного поведения, построенная на основе теории планируемого поведения А. Айзена, получила эмпирическое подтверждение на выборках студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Наряду с этим получило свое подтверждение выдвинутое в исследовании предположение о существовании специфических связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) с attitudes, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем в отношении эмиграции как факторами эмиграционного намерения (в терминологии А. Айзена) у студентов трех стран. На рис. 2 наглядно представлена роль индивидуальных ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения белорусских, казахстанских и российских студентов.

Общекультурной особенностью в данном случае является невключенность блока ценностей Самопреодоления в процесс формирования факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи: связей между этими переменными не обнаружено ни в одной из изучаемых выборок. То есть ориентация на заботу о других, их принятие, поддержание их благополучия не выступают *ресурсной основой формирования факторов* эмиграционной активности молодежи, что поддается логичному объяснению. Эмиграционное поведение молодых людей — это индивидуализированная активность, направленная на собственное благо молодежи: в ней отражаются и реализуются личные мотивы, цели, потребности, она опирается преимущественно на индивидуальные возможности и ресурсы. Но в то же время, как показывают результаты нашего предыдущего исследования, ценности Самопреодоления могут выступать *мотивационной основой проявления* планируемого эмиграционного поведения [3], т.е. выступать значимыми целями, реализация которых возможна, по мнению респондентов, в результате переезда.

Интерес представляют выявленные *различия в связях ценностей высшего порядка и факторов эмиграционного намерения* у студентов трех стран. У российских студентов (и только у них) ценности высшего порядка не обуславливают представления об одобрении значимыми другими их возможной эмиграции (воспринимаемые нормы). То есть представления о позитивном отношении к эмиграции значимых других могут присутствовать у российской молодежи с различными ценностными приоритетами. Возможно, это связано с более лояльным отношением к эмиграции в российском

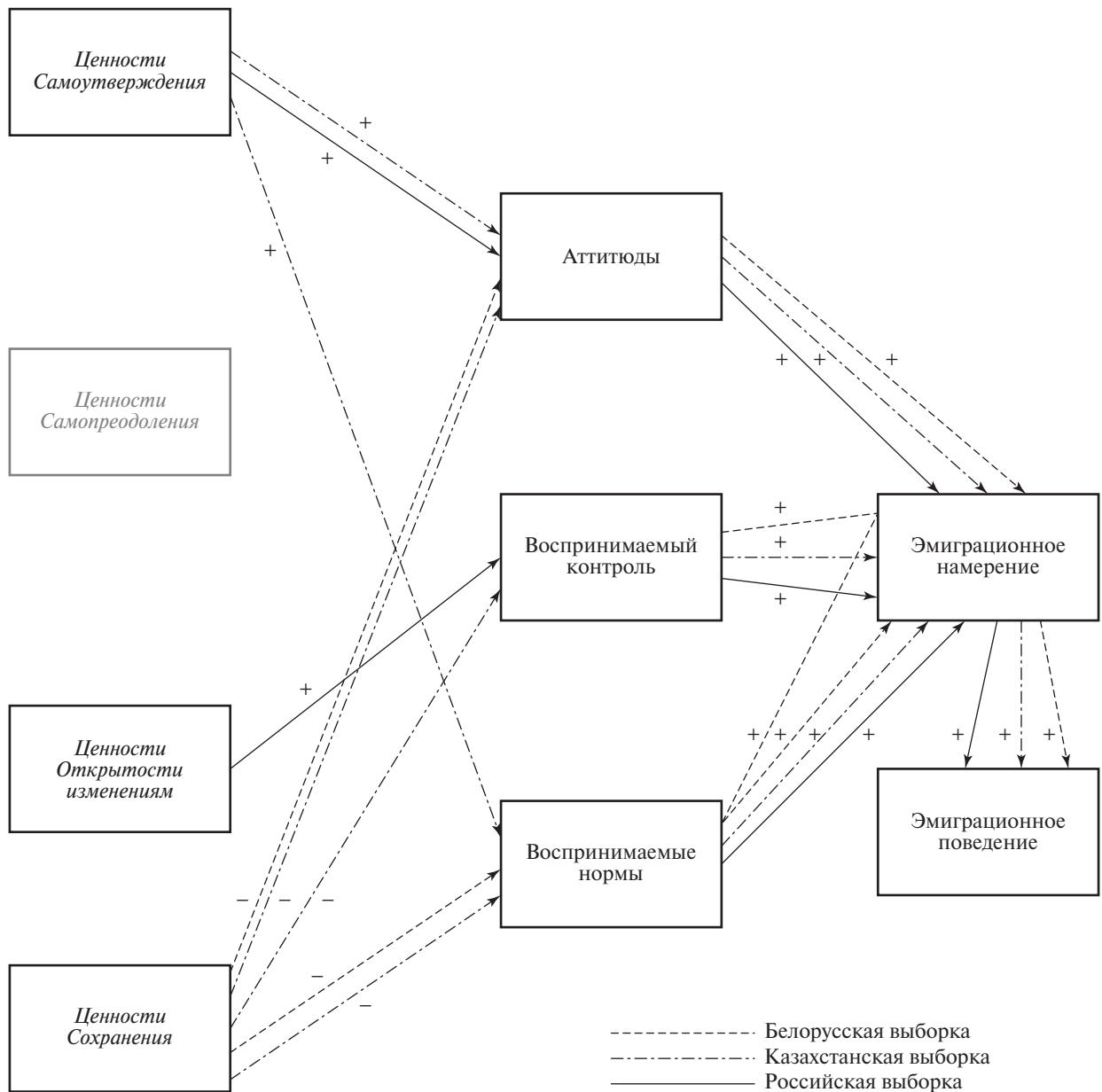

Рис. 2. Роль ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (представлены только статистически значимые регрессионные связи; символами “+” и “-” обозначены положительные и отрицательные связи соответственно)

обществе в целом, а также с большей самостоятельностью и меньшим влиянием значимых других на принимаемые молодыми россиянами решения в отношении эмиграции [5] в сравнении, например, с молодыми казахстанцами [2]. В казахстанской и белорусской выборках ценности выступают предикторами субъективных норм в отношении эмиграции: представления об одобрении близкими людьми собственной эмиграционной активности присущи тем студентам данных стран, у которых нивелирована значимость ценностей Сохранения. У казахстанцев данные представления обусловлены также выраженной ориентацией на ценности Са-

моутверждения. То есть белорусская и казахстанская молодежь, считающая, что окружающие одобряют их решение переехать за границу, не ориентирована на проявление конформности, поддержание традиций, не стремится к безопасности. Наряду с этим, казахстанская молодежь с подобными представлениями демонстрирует ценности Самоутверждения — ориентирована на проявление своих способностей, социальное доминирование и достижение личного успеха. С одной стороны, в данном случае можно предположить, что та среда (общение с родственниками, друзьями, близкими), в которой *могут* сформироваться и проявиться

эмиграционные намерения молодежи Беларуси и Казахстана, изначально в меньшей степени ориентирована на традиционность. С другой стороны, возможно, в среде белорусской и казахстанской молодежи (в отличие от российской) в большей степени выражено представление об эмиграции как об особом, нетипичном для большинства поведении, предполагающем нонконформизм и отход от традиционности для его проявления, а также предоставляющем возможности для самоутверждения — в случае с казахстанской молодежью.

В то же время только в российской выборке блок ценностей Открытости изменениям выступает предиктором воспринимаемой студентами самоэффективности в отношении реализации собственного эмиграционного поведения (воспринимаемый контроль). У российской студенческой молодежи ориентация на перемены, изменения, стремление к независимости, поиску новых ощущений и получению удовольствия от жизни позитивно связаны с уверенностью в собственных возможностях осуществить переезд за границу. У казахстанских студентов в данном случае подобным ресурсом выступает отход от ценностей Сохранения — отход от традиционности. В выборке белорусской студенческой молодежи не обнаружена значимая роль ценностей в предполагаемой личной эмиграционной самоэффективности. Возможно, наиболее важными факторами в данном случае выступают другие психологические и/или непсихологические конструкты: личностные черты, внешние условия и т.д. Но возможно также и то, что отсутствие единого ценностного профиля у молодых белорусов в данном случае связано с теми социально-политическими условиями, которые сложились в стране после выборов президента в августе 2020 г. [1]. Можно предположить, что в условиях социально-политического и гражданского кризиса в Беларуси [1] эмиграционные намерения молодежи отражали интенции не только добровольного, но и условно-вынужденного эмиграционного поведения. В связи с этим высказываться об индивидуальной самоэффективности эмиграционной активности могли разные студенты (проявляющие не только добровольную эмиграционную активность), имеющие различные системы ценностей. В связи с этим единый ценностный профиль предполагаемой эмиграционной самоэффективности мог не проявиться.

В формировании позитивного отношения к эмиграции (аттитюды) значимую роль как у российской, так и у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, проявляющиеся в стремлении к демонстрации и реализации своих способностей, достижению успеха, уважения,

материального благополучия. Общей для белорусской и казахстанской молодежи (но несвойственной для российской) является регрессионная связь между отрицанием значимости ценностей Сохранения и положительным отношением к переезду за границу.

Таким образом, у молодых россиян факторы эмиграционного поведения формируются на основе приверженности ценностям, связанным с демонстрацией собственной компетентности, личным успехом, престижем, стремлением приобрести возможность контроля над материальными и человеческими ресурсами (самоутверждение), а также ценностям, связанным с поиском новизны, стремлением к автономии и независимости (открытость изменениям). В первом случае ценности влияют на формирование позитивного отношения к эмиграции, во втором повышают уверенность молодых людей в способности осуществить запланированный переезд. Данные взаимосвязи позволяют сделать прогноз относительно того, как может измениться ценностный профиль образованной российской молодежи в случае, если существующие эмиграционные интенции студенческой молодежи будут реализованы в ее поведении.

Ценностная стратегия формирования эмиграционных намерений белорусской и казахстанской студенческой молодежи связана с отходом от традиционности и снижением для респондентов, ориентированных на переезд, значимости ценностей Сохранения. У казахстанцев данная тенденция проявляется в отношении всех факторов, определяющих намерение в модели А. Айзена, в то время как у белорусов — только в отношении воспринимаемых норм и аттитюдов. В дополнение значимую роль в формировании эмиграционных намерений у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, позитивно связанные с их установками и воспринимаемыми ими нормами эмиграционной активности.

Подведем итог. В результате проведенного исследования на выборке студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России подтверждена модель планируемого поведения А. Айзена применительно к эмиграционной активности: аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции положительно связаны с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, позитивно связано с поведением по его реализации. Тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран продемонстрировало наличие как общих, так и культурно-

специфических путей формирования эмиграционной активности. Однако стоит отметить ряд ограничений данного исследования, которые необходимо учитывать при трактовке и использовании его результатов. Мы применяли корреляционный дизайн и использовали поперечные срезы, что требует осторожности при вероятностной оценке причинно-следственных связей. Наряду с этим стоит учитывать, что выборка нерепрезентативна и в ней значительно преобладают девушки, а казахстанские респонденты представляют преимущественно северные регионы страны. В то же время данные получены на основании самоотчетов, что не исключает проявление фактора социальной желательности и искажения информации в ответах респондентов. Подчеркнем также, что использовались краткие версии опросников. Отдельные ограничения связаны с формой организации опроса (онлайн) и невозможностью контроля за процессом заполнения анкеты. Таким образом, значимой задачей последующих исследований является преодоление обозначенных ограничений. А перспективным направлением научных изысканий в будущем может стать дифференцированная оценка вклада ценностей обновленной модели Ш. Шварца (19 показателей) в эмиграционную активность различных социально-демографических групп российского населения в сравнении с представителями других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дырина А.* Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Т. 58. № 74. С. 8–11.
2. Молодежь и ценности. Алматы: Изд-во “DELUXE Printery”, 2021.
3. *Муращенко Н.В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 77–93.
4. *Муращенко Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.* Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Ч. I: Введение в проблему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 49–60.
5. *Ромашева Ж.Ж., Калиниченко О.В., Малышев И.В.* Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 4 (40). С. 323–333.
6. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
7. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
8. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
9. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
10. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
11. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011.
12. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* / Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
13. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.

RELATIONSHIP OF VALUES AND PLANNED EMIGRATION BEHAVIOR AMONG STUDENTS FROM THREE COUNTRIES. PART II. MULTIGROUP ANALYSIS²

N. V. Murashchenkova^{1,*}, V. V. Gritsenko^{2,**}, M. N. Efremenkova^{2,***}

¹HSE University;

101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Moscow State University of Psychology & Education;

127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.

*PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre for Sociocultural Research.

E-mail: ncel@yandex.ru

**ScD in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Graduate Student of the Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Received 02.12.2022

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the relationships between the components of planned emigration behavior and the values among students aged 18–25 from Belarus ($n = 208$, 25% men, mean age = 19.8), Kazakhstan ($n = 200$, 26% men, mean age = 20.5) and Russia ($n = 250$, 25% men, mean age = 20.0). Results of testing of multigroup model of author's questionnaire "Planned emigration behavior" and cross-cultural analysis of the manifestations of values and components of planned emigration behavior among students from three countries are presented in the first part of the article in the previous issue of the journal. In this part of the article we discuss the results of multigroup path analysis. We have identified identical and culturally specific links between the components of planned emigration behavior and the values among students from the three countries. Self-transcendence values are not involved in shaping of the planned emigration behavior of students from the three countries. Among Russians the self-enhancement values are positively linked with positive attitudes towards emigration, and the openness to change values are positively related to perceived behavioral control. Among Kazakhstanis, all factors of planned emigration behavior are negatively related to the conservation values, and subjective norms and attitudes towards emigration are positively related to the self-enhancement values. Among Belarusians, the conservation values are negatively related to subjective norms and attitudes towards emigration.

Keywords: theory of planned behavior, model of planned emigration behavior, emigration intention, individual values, student youth, multigroup analysis.

REFERENCES

1. Dyrina A. Belarus' posle prezidentskih vyborov 2020 g. Evropejskaja bezopasnost': sobytija, ocenki, prognozy. 2020. V. 58. № 74. P. 8–11. (In Russian)
2. Molodezh' i cennosti. Almaty: Izd-vo "DELUXE Printery", 2021. (In Russian)
3. Murashhenkova N.V. Vzaimosvjaz' cennostej i jemigracionnyh namerenij studencheskoj molodezhi g. Smolensk. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2021. V. 12. № 1. P. 77–93. (In Russian)
4. Murashhenkova N.V., Gricenko V.V., Efremenkova M.N. Svjaz' cennostej i planiruемого jemigracionnogo povedenija u studencheskoj molodezhi treh stran. Chast' I. Vvedenie v problem. Psichologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 3. P. 49–60. (In Russian)
5. Romasheva Zh.Zh., Kalinichenko O.V., Malyshev I.V. Svjaz' bazovyh cennostej s jemigracionnymi ustanovkami rossijskoj molodezhi. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2021. V. 10. № 4 (40). P. 323–333. (In Russian)
6. Schwartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaja teorija bazovyh individual'nyh cennostej: primenenie v Rossii. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2012. V. 9. № 1. P. 43–70. (In Russian)
7. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).

²The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 "Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis".

8. *Ajzen I.* The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
9. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
10. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
11. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011.
12. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences. *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology*. Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
13. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.